

ОР 613
Т 78

ТРУДЫ
ОРЕНБУРГСКОЙ
УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ.

Подъ редакціей К. С. Шукшинцева.

ВЫПУСКЪ VI.

1900.
ОРЕНБУРГЪ.

Типо-антографія Ив. Ив. Ефимовскаго-Маровичкаго.

надлежащими къ нему строеніями за долги г.г. Тимашевыхъ проданъ съ публичныхъ торговъ купеческому сыну Ивану Скворцову *); а затѣмъ онъ съ частью двороваго мѣста, примыкающею къ дому Пенькова, перешелъ во владѣніе купчихи Ладыгиной; въ настоящее же время принадлежит Оренбургскому мѣщанину Ивану Васильевичу Ладыгину.

М. Л. Юдинъ.

А. С. Пушкинъ на Бердахъ **).

А. С. Пушкину, по повелѣнію Императора Николая I, было поручено написать «Исторію Пугачевского бунта». На напечатаніе этого труда отпущено изъ государственнаго казначейства 20/т. руб. За добросовѣстное исполненіе царскаго повелѣнія, Пушкинъ пожалованъ званіемъ камеръ-юнкера, — милость величайшая, хотя бы и для знаменитаго поэта.

Осчастливленный полученіемъ лестнаго порученія и имѣя свободный доступъ во всѣ государственныя архивы, Пушкинъ насколько представлялась, возможность, исчерпалъ архивныя матеріалы и пожелалъ лично ознакомиться съ мѣстами дѣйствія составляемой имъ исторіи, для чего отправился въ мѣстности, нѣкогда охваченныя пожаромъ мятежа, посѣтилъ Казань, Симбирскъ, имѣніе поэта Н. М. Языкова; 14 числа выѣхалъ изъ

*) Переписка, приложенная къ тому же дѣлу.

**) Матеріалами для настоящей статьи служили: «Исторія Пугачевского бунта» — А. С. Пушкина, «Капитанская дочка» — его же, «Топографія оренбургская» — Рычкова, «Исторія оренбургская» — его же, воспоминанія В. И. Даля и Кайданова, «Энциклоп. словарь» — Эфрона и Брокгауза, «Русск. Старина» за 1800, 81 и 86 гг. и рассказы старожиловъ, помнящихъ поѣздку Пушкина по оренбургскому краю.

Симбирска къ Оренбургу, но возвратился съ 3-й станціи: заяцъ перебѣжалъ ему дорогу, и Пушкинъ, вѣрный предразсудку, не рѣшился продолжать своего пути. Только 18 сентября онъ прибылъ, наконецъ, въ Оренбургъ.

Представившись военному губернатору, генералъ-адъютанту В. А. Перовскому, незадолго до того назначенному на эту должность, и передавъ ему о цѣли своей поѣздки, Пушкинъ былъ обласканъ начальникомъ края, который любезно предложилъ ему остановиться у него на квартирѣ *), познакомилъ съ представителями мѣстнаго beau-mond'a и общалъ всяческое содѣйствіе къ собранію историческихъ матеріаловъ.

Въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при Перовскомъ былъ тогда извѣстный русскій писатель и врачъ В. И. Даль, получившій извѣстность, какъ литераторъ, изданіемъ своихъ «Былей и небылицъ», какъ врачъ — статьей въ защиту гомеопатіи и какъ натуралистъ — переводомъ «Естественной исторіи Оренбургскаго края» — Эверсмана. Съ Далемъ Пушкинъ и совершилъ объѣздъ Оренбургской линіи крѣпостей, при чемъ, зная мѣстный край, спутникъ его служилъ для него живымъ лексикономъ.

Разыскивая здѣсь и тамъ преданія и живыхъ свидѣтелей кровавой эпохи, которую народъ такъ выразительно прозвалъ пугачевщиною, Пушкинъ слушалъ

*) В. А. Перовскій жилъ въ домѣ, принадлежавшемъ Тимашевымъ, что нынѣ домъ купца И. В. Ладыгина — напротивъ церкви св. Вознесенія; въ этомъ домѣ, по инициативѣ пишущаго эти строки и по постановленію Оренбургской Ученой Архивной Коммисіи, на средства, отпущенныя городскимъ управленіемъ, будетъ вывѣшена въ скоромъ времени мраморная доска съ подобающею надписью о пребываніи въ этомъ домѣ великаго русскаго поэта А. С. Пушкина.

казацкія пѣсни, сложенныя про Емельку Пугача, бесѣдовалъ съ сыномъ казака Пьянова, упомянутого потомъ въ «Исторіи Пугачевского бунта», слушалъ полныя драматизма рассказы очевидцевъ про кровавыя дѣла пугачевскихъ шаекъ, и въ головѣ его, кромѣ исторіи, создавался романъ, а благородное чувство патріотическаго негодованія разжигало и безъ того пылкую кровь историка-поэта. Повѣсть «Капитанская дочка», написанная, какъ извѣстно, одновременно съ «Исторіей Пугачевского бунта», является живой страницей, выхваченной изъ жизни бывшихъ линейныхъ крѣпостей, теперешнихъ казацкихъ станицъ, и, лучше всего, говоритъ о томъ, насколько великій художникъ, проникнувшись духомъ рисуемой имъ эпохи, умѣло справился съ нелегкой задачей. Пылкое воображеніе и неудержимое влеченіе къ непосредственному творчеству не давали возможности Александру Сергѣевичу уложить весь добытый имъ матеріалъ въ рамки исторіи, — и онъ облекъ часть его въ чисто художественную форму беллетристическаго произведенія.

Переходя къ описанію пребыванія Пушкина въ Бердскомъ поселкѣ, я нахожу вполне умѣстнымъ привести краткую справку о той печальной роли, какая выпала на долю этого поселка въ мрачной эпопее пугачевского бунта, чтобы нагляднѣе объяснить читателю то непреодолимое влеченіе, съ какимъ стремился Пушкинъ лично ознакомиться съ Бердами, неоднократно затѣмъ упоминаемыми въ его сочиненіяхъ.

Бердскій поселокъ, называвшійся равнѣе Бердской слободой, основанъ и укрѣпленъ въ 1743 г. сначала на р. Уралѣ, на мѣстѣ теперешняго Оренбурга, а затѣмъ, перенесенъ на р. Сакмару, въ разстояніи 7-ми верстъ отъ города. Слобода эта, какъ и большинство тогдашнихъ крѣпостей, была обнесена небольшимъ де-

ревяннымъ оплотомъ, со рвомъ и рогатками, а по угламъ имѣла батареи; дворовъ въ слободѣ было не больше 200; жалованныхъ казаковъ до 100, остальное населеніе составляли гарнизонъ и «нижняго званія люди». Въ слободѣ имѣлся свой атаманъ и особый старшина. Вблизи этой-то слободы, на лѣтней Сакмарской дорогѣ, а потомъ и въ самой слободѣ, Пугачевъ и имѣлъ военный лагерь, во время осады имъ Оренбурга. Отсюда разъѣзды разбойничьихъ шаекъ не переставали тревожить городъ, нападать на фуражировъ и держать гарнизонъ въ постоянномъ опасеніи. Изъ подъ Берды Пугачевъ съ войскомъ и орудіями неоднократно отлучался для взятія и разоренія линейныхъ крѣпостей. Возвращался онъ изъ такихъ отлучекъ, обыкновенно везя массу награбленнаго добра и ведя полоненныхъ казачьихъ красавицъ....

Въ выжженной, по приказанію Оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа, казачьей слободѣ (нынѣ Оренбургская станица или Форштадтъ), въ уцѣлѣвшей отъ огня церкви св. Георгія, разбойники ободрали и осквернили св. иконы, разломали престолъ, раскладывали на полу костеръ и грѣлись около него, изрыгая полныя кощунства ругательства... На паперти была поставлена пушка, на колокольнѣ—другая. Страшная пальба какъ отсюда, такъ и съ крѣпостныхъ городскихъ стѣнъ не умолкала. Вмѣсто пуль и картечи, пугачевцы, въ концѣ концовъ, употребляли мѣдныя гривны. Всѣ усилія злодѣевъ, однако, были напрасны—городъ стойко выдерживалъ осаду. Между тѣмъ, наступали заморозки, и Пугачевъ со своею буйной ватагой перекочевалъ изъ лагеря въ самыя Берды, ставшія вертепомъ убійствъ, разгула и самаго необузданнаго распутства. Въ Бердскую слободу было приведено множество офицерскихъ женъ и дочерей, отданныхъ Пугачевымъ на

поруганіе разбойникамъ, которые, натѣшившись, предавали своихъ несчастныхъ жертвъ смерти, съ страшными надъ ними надругательствами.... Здѣсь не было людей, здѣсь были хищные звѣри, жаждавшіе крови и крови.... Казни происходили каждый день. Овраги около Бердъ были навалены трупами разстрѣлянныхъ, удушенныхъ, четвертованныхъ страдальцевъ. Трупы, разлагаясь, издавали зловоніе, а надъ ними съ крикомъ носились вороны и другія хищныя птицы.... Шайки разбойниковъ устремлялись во всѣ стороны, пьянствуя по селеніямъ, грабя казну и безчестя женщинъ. Кругомъ слышались выстрѣлы, дикое гиканье и крики, что пора-де покориться и идти служить царю-батюшкѣ Петру Ѳеодоровичу!

Пугачевъ съ сообщниками, пародируя, называлъ деревню Каргалу (Сеитовскій посадъ) Петербургомъ, Сакмарскій городокъ — Кіевомъ, а излюбленную имъ резиденцію Берды — Москвой.

Городъ Оренбургъ, какъ извѣстно, стойко выдерживалъ шестимѣсячную осаду (съ 5 октября 1733 года по 23 марта 1744 года) и остался вѣренъ Императору, за что получилъ отъ великой монархини Высочайшій указъ, свидѣтельствующій о стойкости и вѣрности царицы и престолу гражданъ города Оренбурга. (?)

Послѣ пугачевского нашествія, на Бердахъ остались тогда 18 пушекъ, 17 бочекъ мѣдныхъ денегъ на 1700 рублей и множество хлѣба. Печальная память о Пугачевѣ осталась и въ видѣ многихъ кургановъ, называемыхъ здѣсь «Пугачевскими». Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ кургановъ, а также въ Губернскихъ горахъ, до настоящаго времени обрѣтаются клады, состоящие изъ разныхъ вещей и монетъ. Много пушекъ, отличныхъ сподвижниками Пугачева на Уральскихъ заводахъ, находится то здѣсь, то тамъ.

Въ поуральѣ живы еще преданія, свидѣтельствующія о страшномъ мятежѣ, какъ полыхнемъ пожара охватившемъ все поволжье и приуральскій край.

Естественно, что такое богатое событіями прошлое здѣшняго края не могло не влечь Пушкина ознакомиться съ нимъ на мѣстѣ.

По пріѣздѣ Пушкина на Берды, ему особенно по-счастливилось: въ поселкѣ доживали вѣкъ и нѣсколько престарѣлыхъ свидѣтелей кровавой эпохи. Вотъ что писалъ Пушкинъ съ дороги своей женѣ: «Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ 6 мѣсяцевъ, имѣлъ я une bonne fortune — нашелъ 75-лѣтнюю казачку, которая помнить это время, какъ мы съ тобою помнимъ 1830 годъ. Я отъ нея не отставалъ, впрочемъ, и про тебя не подумалъ»....

Тѣмъ пріятнѣе было Пушкину внимать повѣствованію этой старушки, что въ памяти его возставалъ образъ другой старушки, его «дряхлой голубки», няни Ирины Родіоновны, чудными сказками которой онъ такъ, бывало, заслушивался въ своемъ родовомъ селѣ Михайловскомъ.

Природа Бердскихъ окрестностей въ 30-хъ годахъ была живописная: рѣка Сакмара была многоводна и несла свои быстрыя волны въ берегахъ, густо покрытыхъ почти дѣвственнымъ лѣсомъ, въ которомъ водились еще разные хищные звѣри. Рѣка подходила къ самому поселку. На противоположной лѣсу сторонѣ открывалась другая картина: поемные луга и долины покрывались высокой и сочной травой, зеленѣли огороды, на которыхъ качались отъ вѣтра и тихо скрипѣли «журавли» казачьихъ колодезь.

Сидя на крылечкѣ казачьей избы, Пушкинъ собиралъ вокругъ себя казаковъ и казачекъ, слушалъ ихъ пѣсни, смотрѣлъ хороводы.

Чудная панорама природы, лихія казачьи пѣсни, относительная свобода, все это вызывало въ Пушкинѣ задорную веселость—онъ говорилъ экспромты, сыпалъ остроты....

Но вотъ предстали предъ будущимъ творцомъ «Капитанской дочки» престарѣлые казаки и казачки.

Неохотно они сначала приступали къ своимъ воспоминаніямъ.... Приходилось Пушкину вступать и въ такой разговоръ:

— А, ну ка, дѣдушка, расскажи намъ, сдѣлай одолженіе, про Пугача!

NB! — Для кого пугачъ, ваша милость, а для меня — царь-батюшка, Петръ Ѳедорычъ!

Нѣкоторые казаки, въ особенности уральцы, и до сихъ поръ неохотно дѣлятся воспоминаніями прошлаго: они простодушно и наивно вѣрятъ еще, что наглый самозванецъ былъ дѣйствительно русскій царь, имя котораго онъ такъ дерзко присвоилъ.

Но обаятельность поэта, ласковое обращеніе и щедрость подкупали даже и стариковъ, — они все смѣлѣе и смѣлѣе вели свои рассказы и возстановляли въ памяти эпизодъ за эпизодомъ мрачнаго прошлаго.

— «И разнесся въ слободѣ нашей слухъ, что изволилъ прибыть царь батюшка Петра Ѳедорычъ—дребезжащимъ отъ волненія голосомъ и шамкая вели свою рѣчь старички, — прискакали кульеры, пособрали народъ: такъ, молъ, и такъ — приготовьтесь встрѣчать законнаго царя своего, потому какъ онъ жалуетъ всѣхъ васъ крестомъ и бородой, землями и угодьями разными.... Скоро и другой слухъ прошелъ, что несмѣтная рать движется, крѣпость за крѣпостью беретъ, комендантовъ тамошнихъ вѣшаетъ, казну грабитъ, непокорныхъ наказуетъ.... Долго-ль, коротко-ль, услышали

мы топотъ конскій, загремѣли пушки; прискакали гонцы, — все башкиры больше, да «севрюжники».

«Покоритесь»! И покорились: народъ разодѣлся, какъ на свѣтлый праздникъ, высыпалъ на улицу; дѣвки да бабы въ два ряда, какъ солдаты, стоятъ... Попъ съ крестомъ вылѣзъ на паперть, атаманъ казацкій «хлѣбъ-соль» приуготовилъ.... Не заставилъ ждать себя и невѣдомый гость: тьма тьмущая войска остановилась на Сакмарской дорогѣ, лагерь разбили.... пѣсня пошла, да шумъ—благополучное вступленіе, значить, справляли... Прибыли скоро и къ намъ: на церкви звонъ колокольный раздася, попъ съ крестомъ встрѣлъ самого, но тотъ въ храмъ не вошелъ, потому какъ изъ киржаковъ происхожденіе имѣлъ и осынялся большимъ крестомъ. Манифесту тогда прочитали, народъ на колѣни упалъ и билъ земные поклоны. Самъ-отъ принялъ «хлѣбъ-соль», обѣщаніе давалъ на вольности разные, нашу слободу матушкой Москвой величалъ, ряды дѣвокъ обошелъ, борки, ленты да манисты жаловалъ, иныхъ что пригляднѣй, ласкать всячески изволилъ и деньгами дарилъ. А колокола все гудятъ, да гудятъ.... въ храмъ Божию службу идетъ, государя Петра Федорыча съ государыней Екатериной Лексѣвной поминаютъ.... честь честию! Опосля пригнали еще двухъ поповъ, тѣ тоже службу кажный день справляли—обѣдню да вечерню. Недолго Пугачъ, али царь-батюшка, какъ его тогда величали, оставался у васъ, выкатилъ онъ для народа бочку съ виномъ, своего енарала приставилъ да ораву присиѣшниковъ, а самъ въ лагерь отбылъ чинить судъ да расправу, да на городъ приступай идти собираясь... Ни выѣзду, ни выходу—по дорогамъ да по оврагамъ засѣли люди военные... пальба да разбой... сколько дѣвокъ башкиръ поганое у насъ перепортили, да добра разнаго растащили... Слобода была сущій вертепъ.

Изъ крѣпости оренбургской тогда распоряженіе вышло слободу казацкую, что форштадтомъ теперь прозывается, сжечь. И сожгли, акромѣ церкви Божьей да избы одной... Вороги окаянные ворвались и въ форштадтъ, церковь святую осквернили, въ иконы стрѣляли и изъ пушекъ съ колокольни въ городъ налили; съ крѣпости тоже тогда не плошали—ядрами да картечами злодѣя пугали... Въ городъ голодъ начался, болѣзни, но не сдался онъ богопротивному человѣку и вѣренъ царицѣ-матушкѣ и присягѣ остался... Объ осени ватага вся буйная съизнова припожаловала къ намъ въ слободу, для ложнаго царя избу золотую *) привезли, тронъ смастерили, и возсѣлъ на него чинить судъ да расправу бѣглой казакъ донской, царемъ прозываясь, въ красную одежду разрядившись и голубой лентой перевязъ сдѣлавши.... По бокамъ у него возсѣдали два казака, одинъ съ булавой, другой съ серебрянымъ топоромъ. Кто подходилъ, кланялся въ землю и, крестясь, цѣловалъ руку Емелькѣ....

Вотъ приблизительно какіе рассказы пришлось выслушать Пушкину съ сопровождавшими его лицами. Кромѣ того, какъ видно изъ воспоминаній спутниковъ Пушкина — Даля и Кайданова, ему были рассказаны очевидцами нѣкоторые курьезные эпизоды изъ пребыванія на Бердахъ неграмотнаго, но болѣзненно честолюбиваго раскольника самозванца. Такъ, напримѣръ, войдя однажды въ бердскую церковь въ зимнемъ польскомъ кунтушѣ и въ киргизской шапкѣ, Пугачевъ, не снимая шапки, прошелъ въ алтарь и, сядя на церковный престолъ, воскликнулъ: «Ахъ, давно я не сидѣлъ на прародительскомъ престолѣ!» Это сообщеніе

*) Известно, что Пугачевъ возилъ съ собой складную латунную палатку, которую народъ принималъ за золотую

вызвало смѣхъ окружающихъ, и Пушкинъ, полунегодуя, полуудивляясь, сказалъ: «Ахъ свинья, свинья — смѣшалъ два разнородныхъ понятія!» И тутъ же со словъ рассказчика записалъ какъ этотъ рассказъ, такъ и примѣты самозванца: лѣтъ 40 отъ роду, роста средняго, смугль и худощавъ, волосы темнорусые, борода черная, клиномъ, верхній зубъ вышибленъ, на лѣвомъ вискѣ бѣлое пятно, на обѣихъ сторонахъ груди черныя пятна отъ болѣзни, именуемой въ народѣ «черной немочью». Глаза у Пугачева острые, проницательные, взоръ страховитый — характерныя черты, за которыя народъ и прозвалъ Пугачева «Пугачемъ». Въ другихъ мѣстахъ показанныя очевидцами примѣты Пугачева оказались тождественными съ записанными и въ такомъ видѣ появились въ трудахъ Пушкина.

Вотъ еще одинъ эпизодъ. Пугачевъ былъ женатъ, жена его съ дѣтьми содержалась въ тюрьмѣ въ г. Казани. Пугачевъ же, бывши въ Яцкомъ городкѣ, вторично женился на дѣвкѣ Устинѣ Кузнецовой, которую и привезъ съ собой въ слободу. Попу было приказано поминать на ектеніяхъ послѣ Государя Петра Θεодоровича, государыню Устинью, но попу воспротивился говоря, что на это онъ не имѣетъ синодскаго указа и продолжалъ поминать Государыню Екатерину Алексѣевну.

Эпизоды, только что рассказанные и записанные Далеми, однако не попали почему-то въ труды Пушкина, но появлялись впоследствии въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

За пѣсни молодые казаки и за рассказы — старики и старухи были награждаемы Пушкинымъ по «царски»: за каждую пѣсню или отдѣльный эпизодъ онъ платилъ червонецъ, иныхъ угощалъ виномъ, садя съ собой за столъ.

Это обстоятельство, по отъездѣ Пушкина изъ Бердскаго поселка, вызвало въ обывателяхъ его глубокое сомнѣніе въ личности страннаго гостя и они, собравши сходъ, смастерили такое донесеніе на имя начальника края Перовскаго:

«... былъ у насъ неизвѣстнаго званія человекъ со товарищи, середняго роста, лицомъ смугль, волосомъ черень и курчавъ, на пальцахъ замѣсто ногтей ботги, *подбивалъ подъ пугачевщину и дарилъ золотомъ...*

Во дворѣ В. А. Перовскаго (тогда еще не графъ) отъѣзжающему поэту данъ былъ прощальный обѣдъ, на который былъ приглашенъ цвѣтъ оренбургскаго общества. Гвоздемъ застольной бесѣды были, разумѣется, труды Пушкина, эпизоды изъ пугачевской эпопеи и пожеланія видѣть скорѣе въ печати исторію замѣчательнаго въ своемъ родѣ самозванца. Тутъ-то и показалъ Перовскій Пушкину забавное донесеніе о немъ бердскихъ мудрецовъ, вызвавшее неудержимый смѣхъ присутствовавшихъ и взрывы остротъ. Выходило, что историкъ Пугачева, на взглядъ народа, былъ ни кто иной, какъ другой Пугачевъ,

Спустя почти мѣсяць послѣ отъѣзда Пушкина изъ Оренбурга оренбургскій военный губернаторъ В. А. Перовскій получилъ секретное письмо отъ нижегородскаго военнаго губернатора Бутурлина, которое заслуживаетъ вниманія, какъ характеризующее скорость доставленія по назначенію «секретныхъ» и «срочныхъ» бумагъ въ 30 годахъ и положеніе, въ какомъ находился тогда нашъ пѣвецъ «сладкихъ звуковъ и молитвъ» — Пушкинъ*).

*) «Дѣло объ учрежденіи тайнаго полицейскаго надзора за прибывшимъ временно въ Оренбургъ поэтѣ (sic) тит. совѣтн. Пушкинѣ» — дѣло канцел. бывш. Оренб. генералъ губернатора, находящееся въ распоряж. Оренб. Уч. Арх. Ком. (№ 78—38 г.).

Вотъ это письмо:

«Санктпетербургскій оберъ-полицеймейстеръ отъ 20 минувшаго сентября за № 264, увѣдомилъ меня, что по *Высочайше* утвержденному положенію Государственнаго Совѣта, объявленному предѣмѣстнику его предписаніемъ г. с.-петербургскаго военнаго губернатора, отъ 19 августа 1828 г. № 211, былъ учрежденъ въ столицѣ секретный полицейскій надзоръ за образомъ жизни и поведеніемъ *извѣстнаго поэта, титулярнаго советника Пушкина*, который 14 сентября выбылъ въ имѣніе его, состоящее въ Нижегородской губерніи».

«Извѣстася, что онъ, Пушкинъ, намѣренъ былъ отправиться изъ здѣшней въ Казанскую и Оренбургскую губерніи, долгсмъ считаю о вышеизложенномъ извѣстить ваше превосходительство, покорнѣйше прося, въ случаѣ прибытія его въ Оренбургскую губернію, учинить надлежащее распоряженіе о учрежденіи за нимъ, во время пребыванія его въ оной, секретнаго полицейскаго надзора за образомъ жизни и поведеніемъ его».

Письмо это въ Оренбургъ прибыло только 23 октября, и въ тотъ же день В. А. Перовскій положилъ на немъ такую резолюцію: «Отвѣчать, что сіе отношеніе получено чрезъ мѣсяцъ по отбытіи г. Пушкина отсюда («sic!'), а потому хотя во время кратковременнаго его въ Оренбургъ пребыванія и не было за нимъ полицейскаго надзора, но какъ онъ останавливался въ моемъ домѣ, то я тѣмъ лучше могу удостовѣрить, что побѣдка его въ Оренбургскій край не имѣла другаго предмета, кромѣ нужныхъ ему историческихъ «изысканій»».

Такъ и написано было Булурлину на другой же день, 24 октября. Оказывается, что Пушкину недоброжелатели его не давали покоя и въ то время, когда онъ состоялъ исторіографомъ російскимъ и пользовался

милостями у самого Императора Николая Павловича, Августѣйшаго цензора своихъ сочиненій. Въ то время, когда было получено приведенное выше письмо, Пушкинъ былъ уже на Волгѣ; изъ Оренбурга онъ, напутствуемый пожеланіями любезнаго и просвѣщеннаго хозяина, выѣхалъ 20 сентября на Уральскъ осматривать становища Пугачева.

О пребываніи Пушкина въ Оренбургъ и въ казачьихъ станицахъ помнятъ еще нѣкоторые изъ нашихъ старожиловъ, какъ напр. генералъ майоръ И. В. Черновъ, сообщившій, что Пушкинъ, будучи въ Оренбургѣ, посѣтилъ уѣздное и другія училища; старушка казачка, Блинова, переселившаяся недавно изъ Бердскаго поселка на постоянное житье въ Оренбургскую станицу (Форштадтъ) и многіе другіе, но объ этомъ распространяться не стану, такъ какъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ появятся въ «Пушкинскомъ сборникѣ», который имѣетъ въ скоромъ времени издать Оренбургская ученая архивная коммиссія.

Окончу свой скромный трудъ пожеланіемъ, чтобы какъ Пушкинъ увѣковѣчилъ въ своихъ твореніяхъ нашъ бердскій поселокъ, такъ и этотъ послѣдній увѣковѣчилъ бы память поэта устройствомъ школы или читальни его имени. Въ поселкѣ, отстоящемъ теперь всего въ 3—4 верстахъ отъ города, не имѣется для обывателей ни библіотеки, ни читальни и въ наступившіе *Пушкинскіе дни*, всего благовременнѣе, положить основаніе, просвѣтительному учрежденію имени величайшаго русскаго поэта.

Н. Ивановъ.